

ГЕНРИХ
МАНН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ГЕНРИХ МАНН

СОЧИНЕНИЯ

В ВОСЬМИ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1968

ГЕНРИХ МАНН

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ВОСЬМОЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
И
ПУБЛИЦИСТИКА

Перевод с немецкого

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1968

Издание осуществляется
под редакцией
Г. Н. ЗНАМЕНСКОЙ, И. В. МИРИМСКОГО
и Т. Л. МОТЫЛЕВОЙ

Вступительная статья
И. В. МИРИМСКОГО

ГЕНРИХ МАНН — ПУБЛИЦИСТ

В своей итоговой мемуарно-публицистической книге «Обзор века», опубликованной в 1946 году, Генрих Манн отмечал: «Статей у меня множество, и каждая из них вылилась из самых глубин возмущенной совести. Я начал их писать в 1910 году, когда кайзеровская империя была в полном расцвете и мощи».

Очерки о великих французских писателях — «Дух и действие», «Вольтер и Гете», «Флобер и Жорж Санд», датированные 1910 годом, положили начало деятельности Генриха Манна — публициста.

В это время писатель уже имел за плечами более пятнадцати лет работы в литературе и пользовался признанием большого мастера художественной прозы. Тот факт, что он обратился и к публицистическим жанрам, объясняется коренными особенностями его писательской личности, его вдумчивым и чутким отношением к общественно-политическим событиям в жизни своей страны.

Генрих Манн только что закончил роман «Маленький город» — произведение, проникнутое духом боевого демократизма, которое давало ему право сказать о себе, о своем еще далеко не завершенном пути: «Оглядываясь назад на созданные мною романы, я ясно вижу, какой дорогой я шел. Она вела от апофеоза индивидуализма к преклонению перед демократией.. «Маленький город» я воздвиг во имя народа, во имя человечества».

Вместе с тем вскоре после этого романа Генрих Манн приступил к осуществлению одного из своих обширнейших замыслов — трилогии «Империя», уже в первой части которой, в

романе «Верноподданный», он выступает с сокрушительной критикой самих основ монархической системы и поддерживающих ее реакционных классов.

Решающим обстоятельством, которое привело Генриха Манна к созданию «Верноподданного» и побудило его обратиться к оружию публицистического слова, была возросшая политическая активность немецкого рабочего класса после русской революции 1905 года. Волна демонстраций и забастовок, которыми трудящиеся немецких городов выразили свое сочувствие первой русской революции и решимость дать отпор растущим силам империалистической реакции в своей стране; возникновение и смелые выступления левого крыла социал-демократии во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург; открытое блокирование оппортунистических вождей социал-демократической партии с юнкерско-буржуазной олигархией, лихорадочно готовившейся к войне за мировое господство,— все это внушило Генриху Манну неодолимую потребность выйти на общественную трибуну и высказаться непосредственно, без помощи своих романических персонажей, положить свое прочувственное слово на чашу весов борющегося народа.

В центре широкого круга социальных и духовных интересов, которые владели сознанием Манна в период с 1910 по 1916 год, когда он создавал свой цикл очерков о французских писателях, стояли вопросы идейной мобилизации демократических сил страны для борьбы с режимом империи, подготовившим и развязавшим мировую войну, защиты культуры от растлевающего влияния империалистической идеологии, сближения лучшей части интеллигенции с народными массами.

Жанровое своеобразие очерков Манна состоит в том, что это очерки литературно-публицистические, сочетающие художественно-психологический анализ творчества каждого писателя с сознательно подчеркнутой характеристикой его гражданского пафоса и связи с общественно-политическими интересами современности.

Франция — страна, к которой Генрих Манн питал особые, никогда не ослабевавшие симпатии. Она всегда привлекала его как классическая страна буржуазных революций и демократических движений, как родина крупнейших мастеров реалистической литературы, народа, который на протяжении всей своей истории поражал мир своим революционным героизмом, своей высокой политической активностью. Наконец он тем более счи-

тал себя обязанным славить Францию, что она была ненавистна немецким националистам всех мастей.

Обращаясь к великим деятелям французской культуры — просветителям XVIII века — Руссо и Вольтеру, реалистам нового времени от Стендаля и Бальзака до Флобера и Золя, Генрих Манн широко развивает один из основных принципов своей эстетики, согласно которому литература и политика должны проникнуть друг в друга и отдать себя служению народу, потому что у них один и тот же объект — жизнь, одна и та же цель — борьба за социальную справедливость, за торжество разума. «Не только время,— пишет он,— но и честь требует от писателя, чтобы он в этой стране обеспечил, наконец, выполнение всех велений разума, чтобы он стал агитатором, вступил в союз с народом против власти, чтобы он всю силу слова отдал борьбе народа, которая и есть борьба разума».

Очерки обращены прежде всего к немецкому читателю, поэтому они и строятся на явном или чаще скрытом сопоставлении двух стран — Франции и Германии, их исторических путей, их культурных традиций, их народов и интеллигенции. Говоря о Франции и ее лучших людях, Генрих Манн ни на одну минуту не забывает о своей родине, превращенной ее правителями в огромную тюрьму духа, охраняемую от влияний внешнего мира полицией, цензурой, особыми законами. Свою цель автор видит в том, чтобы воздействовать на ум и чувства честных немцев и, подобно тому как это делал в свое время «барабанщик революции» Гейне, будить их от сна и равнодушия к своему настоящему и будущему; а тем из них, кто, пройдя школу Ницше и Шопенгауэра, возомнили себя людьми не от мира сего и стали охранителями несправедливой общественной системы, бросить в лицо слово гнева и возмущения. Своих духовных учителей, французских реалистов, Генрих Манн хочет сделать наставниками не только писателей, но и всех деятелей немецкой культуры. В соответствии с этим он рассматривает французских романистов в двуедином плане: и как создателей всеобъемлющего и всепроникающего реалистического романа, который подчас, независимо от убеждений писателя, демократичен сам по себе уже потому, что он подчиняется только закону правды, и как борцов, которые «сердцем и разумом стремились слиться с людьми, со своим народом... извели счастье не чувствовать себя полководцами без армии... счастье видеть свое слово претворенным в действие».

Очерки о Вольтере, Руссо, Флобере, Золя пронизаны одной основополагающей идеей, формулирующей сущность воинствующего гуманизма, идеей необходимости уничтожить пропасть, которую немецкие творцы культуры отделили себя от народа, слить дух и действие в единую всепобеждающую силу. Генрих Манн мечтает о могучем союзе людей мысли, которых воинствующий разум и любовь к правде привели к борьбе, и борцов, которых жизнь научила мыслить.

О страстной убежденности и настойчивости, с которыми Генрих Манн пропагандировал эту идею, говорит то, что название первого очерка, посвященного Руссо, «Дух и действие», он переносит на две последние главы работы о Золя и даже на сборник статей, опубликованный в 1931 году. Действительно, развитие этой темы — дух и действие — можно проследить не только в публицистике Манна, но и в его наиболее выдающихся художественных произведениях, в частности, в дилогии 30-х годов о французском короле гуманисте Генрихе IV, где она составляет основу всего замысла.

Очерки писались в условиях жестокой имперской цензуры, ставшей особенно невыносимой во время войны, и Манн должен был, естественно, прибегать к намекам, иносказаниям, уподоблениям, чтобы завуалировать свои мысли о существующем режиме и обо всем, что он порождал во всех сферах жизни. Но внимательные читатели хорошо понимали то, что составляет критический пафос очерков, их политический подтекст: последовательное обличение империалистического хищничества буржуазии и юнкерства, вершивших свои разбойничьи дела под покровом самого императора и его правительства, осуждение оголтелой пропаганды войны, подогреваемой шовинистическим бредом о расовой исключительности немцев, закулисной игры генерального штаба и его сделок с иностранным капиталом, — словом, все то, что более смело, широко и художественно обоснованно будет показано писателем в романе «Голова» (1925). Так, когда Манн в очерке о Золя говорит о маразме Третьей империи во Франции, приведшей ее к войне и катастрофе, он видит перед собой ненавистную ему империю Гогенцоллернов, ее настоящее и будущее.

Однако противоречия мировоззрения Генриха Манна, демократа и гуманиста, проявляются в его публицистике не менее, а, пожалуй, даже более зримо, чем в его художественных произведениях. Его расхождения с логикой истории становятся осо-

бенно разительными там, где он переходит от отрицания к утверждению, от суда над существующим общественным строем к изложению своей универсальной программы обновления человечества на принципах демократии, свободы, гуманизма, как он их понимал.

О своих учителях, революционных просветителях Франции XVIII века, Мани писал: «Родоначальники новой философии были внеклассовые, почти внесударственные, лишенные корней умы, подвергавшиеся преследованиям и окруженные недоверием». Слова эти, свидетельствующие о том, что вместе с идеями просветителей писатель воспринял и их иллюзорное, но исторически обусловленное представление о себе, как о борцах за освобождение всего человечества, являются символом веры самого Манна, выражением того, каким он сам хотел бы быть, если бы, конечно, это было возможно в обществе, разделенном на классы. Он остается в плену хотя и благородных, исполненных доброй воли и для своего времени революционных, но вместе с тем исторически ограниченных, идеалистических воззрений, которые составляли идеологию Просвещения и первой французской буржуазной революции. Вся его теория единства духа и действия, равно как и сопутствующие ей понятия: свобода, справедливость, разум, демократия, носят еще отвлеченный, умозрительный, внеклассовый характер. Осуждая, например, тех мыслящих, но не действующих немцев, которые оправдывают свою пассивность словами о свободе, как о свободе самосознания, мышления, духа — определением, заимствованным из арсенала идеалистической философии и романтизма начала прошлого века, он сам не идет дальше следующего беспредметного истолкования свободы: «Свобода — это воля к тому, что признано добром. Свобода — это вакхический танец разума. Свобода — это человечность, возведенная в абсолют».

Исходным моментом этих суждений о свободе является исповедуемая Манном философско-идеалистическая концепция, по которой разум, знания, просвещение двигают историю, а люди духа, в частности художники слова, — единственные вожди человечества. Характерно, что даже в своем представлении о будущей германской республике, которую он мечтал увидеть на развалинах империи, он не выходит из рамок утопического, ни в одной капиталистической стране не осуществившегося учения Руссо об идеальной республике, как о государственном

строе, основанном на власти народа, равенстве прав и равенстве мелких состояний.

Вопрос о республике, какая она есть, какой она должна быть, станет одним из актуальнейших в публицистике Генриха Манна послевоенных лет.

Война была последним и самым тяжким преступлением юнкерско-буржуазной империи, ускорившим ее крушение. В ноябре 1918 года, в результате революции, империя прекратила свое существование и Германия стала буржуазно-демократической республикой. Сбылись предсказания и надежды Генриха Манна. Демократ и сторонник народовластия, чуждый еще идеям социализма, он горячо приветствовал Веймарскую республику, в которой надеялся увидеть свершителя своей сокровенной мечты о гуманистическом преобразовании общества.

Две большие работы — статья «Империя и республика», написанная в мае 1919 года, за месяц до заключения Версальского мира, и цикл статей под общим названием «Трагедия 1923 года», с исчерпывающей полнотой раскрывают мысли и чувства Генриха Манна в первые дни республики и в пору, когда ее истинное лицо стало очевидным.

В статье «Империя и республика» Генрих Манн сводит старые счеты с империей и намечает широкую политическую программу для молодой республики. Обзор истории империи, с обстоятельной характеристикой ее классовой структуры и всех ее тайных и явных тенденций, делает честь политическому мышлению писателя, перу которого принадлежит и лучший роман об этой эпохе. Дело здесь в том, что речь идет о социальной системе, которую Генрих Манн знал лучше, и изобразил реальнее и сильнее, чем все современные ему писатели вместе взятые, о системе, ненависть к которой куплена им ценою великих душевных мук. Зато во второй части статьи, где он дает советы немцам и набрасывает схему идеальной республики, он не столько политик, сколько моралист, запоздалый просветитель, покинувший реальную почву действительности и витающий в тумане либерально-реформистских иллюзий и заблуждений.

Об ушедшей в прошлое империи писатель мог бы вообще не говорить, если бы его пронизательный взор не увидел в только что родившейся республике тревожные признаки живучего имперского духа: монархические пристрастия правителей, их стремление отрицать преступления, совершенные империей, милитаризм, шовинизм и жажду реванша, жестокое преследование

революционеров. «В стране ничто не изменилось,— пишет Манн.— Республика унаследовала от империи вместе с ее чиновниками и ее дух лицемерия и укрыла империю от разоблачений... В муках погибают революционеры, погибают только потому, что они решительны, что они преданы единой правде, что они революционеры... Каждого истинного республиканца преследуют, буржуазия называет их «большевиками».

Веймарскую республику, только что восставшую из пепла империи, он считает всего лишь «подобием республики», но это не ослабляет его веры в то, что она может стать настоящей республикой, потому что в ней, «какова бы она ни была сегодня, зреет хорошее зерно обновленного немецкого духа». Она и станет настоящей республикой, думает он, при условии, если демократические массы возьмут ее судьбу в собственные руки.

Но для Манна это отнюдь не означает новой революции, социалистической, потому что он боится всякой диктатуры, от кого бы она ни исходила. Он признает только диктатуру народа. Народная диктатура осуществляет свою волю к правде и справедливости через правительство, состоящее из народных избранников.

В чем же, по Генриху Манну, заключается воля народа и каковы методы ее претворения в жизнь? Она заключается в том, чтобы, не ломая экономических и политических основ существующего строя, путем реформ создать общество, которое отвечало бы следующим принципам: «Основа демократии — всеобщее право, а не разделение на классы. Существующая классовая система страдает немалыми недостатками, скоро она станет совсем непригодной. Когда не станет ни крупного капитала, ни безысходной нищеты, когда буржуазия потеряет связь с бывшим дворянством, а бывший пролетарий вступит в союз с буржуазией, когда вместо обуржуазившихся дворян появятся орабоченные буржуа, что останется тогда от классов? Сплошная мелкая буржуазия, состоящая из работников умственного и физического труда, у которых отпадет необходимость спорить из-за прибыли».

В деле управления этим государством мелких буржуа Генрих Манн отводит ведущую роль труженикам ума, гуманистам, продолжателям великих традиций XVIII века и французской революции, людям, которые, по мнению писателя, сильны тем, что они не признают решающего значения экономических факторов истории и ставят умственную или художественную деятельность выше всех материальных благ. По наивному представлению

Манна, соединившего республиканский идеал Руссо, опровергнутый всеми буржуазными революциями, с своекорыстными домыслами реформистов, опрокинутыми Октябрьской революцией в России, путь такой демократической республики, республики средних людей труда и духа, лежит к социализму, но минуя социалистическую революцию.

Но жизнь колеблет или отбрасывает в сторону всякие теории, если они ложны и мешают ее поступательному движению. Поколебала она и иллюзорные теории Генриха Манна, особенно его идеал материального равенства, союза пролетариата, интеллигенции и буржуазии под благодетельной сенью демократической республики.

Через четыре года после появления статьи «Империя и республика» Генрих Манн опубликовал цикл статей «Трагедия 1923 года».

От великих ожиданий к разочарованию и скепсису — таков путь писателя в эти годы. От прежнего его оптимизма не осталось и следа.

Причин для этого было много. Революция 1918—1923 годов завершилась ее поражением и торжеством реакции. Последним политическим актом правительства республики была кровавая расправа с рабочими правительствами Саксонии и Тюрингии и восстанием рабочих Гамбурга, возглавленным Эрнстом Тельманом. Вместе с тем достиг своей высшей точки послевоенный кризис в стране, разразившийся небывалой инфляцией, усугубившей нищету, безработицу и отчаяние немецких трудящихся. Французские войска оккупировали Рурскую область. Предвестием новых бедствий был гитлеровский «пивной» путч в Мюнхене, убедивший демократические массы в том, что фашизм не химера, а реальная угроза.

В статьях Манна о трагедии 1923 года, близких к памфлетам, звучит голос возмущения, злая ирония, нотки скорбных раздумий. Сейчас он видит больше, чем в первые дни республики, когда он был еще ослеплен самым фактом ее рождения и верой в ее возможное совершенствование. Он видит больше, потому что все тайное стало явным, все скрытое — зримым, все малое — большим: капиталы, военная промышленность, подлости и притязания фашистов, продажность правительства, опасность войны, обреченность «духовной прослойки» и нищета пролетариата. О мирном союзе классов, уравненных до среднего состояния, он уже не упоминает. Напротив, он с тоном укора и осуждения

говорит о молчаливом непротивлении тружеников ума, низведенных капитализмом до положения поденщиков и обреченных на умирание, о покорности рабочих своим хозяевам, он зло смеется над теми, кто твердит о возможности дружбы между предпринимателем и умирающим от голода рабочим. «Налоги выжимаются почти из одних неимущих, все социальные задачи откладываются и забываются, все культурные ценности расточаются, а их пестуны низводятся до уровня поденщиков — зато расцветает «экономика»! Работники умственного труда либо молча умирают с голода, либо идут в конторщики. Но что стало в Германии с классом индустриальных рабочих, классом, исполненным сознания собственного достоинства? Покорные, как овцы, дрожа за свою жизнь, они держатся за своих сверхмогучих хозяев... Сожительство, вызванное только бедой одной стороны! «Капитал — друг рабочих» — злоупотребляя бедой, это уже отважились произнести во всеуслышание».

К создателям и хранителям культуры, попираемой ногою жрецов золотого тельца, обращается Генрих Манн в статье «Умирание духовной прослойки». Он открывает им глаза на неограниченное самовластие «экономического феодализма», на его космополитизм и тайные связи с иностранным капиталом и черными силами реакции внутри страны, он призывает их соединиться с народом для борьбы против единого в трех лицах врага республики — монополистов, фашистских союзов, правительства.

Особого врага писатель видит в фашизме — этом уродливом детище и кровавой руке империалистической буржуазии. Он раньше многих своих современников распознал социальную природу фашизма и не обманывался насчет той опасности, которая в нем таится. «На тот случай, — говорит он о тактике правящей буржуазии, — если духовные, так сказать, средства откажут, нужно будет позаботиться о дюжих «народных движениях». К вашим услугам нищий национализм, разнузданные фанатики идеи, которая отжила свой век и стала вредной... Последнее поколение ее приверженцев, слишком опустившееся даже для того, чтобы злодействовать самочинно, способно только на бандитские услуги богачам».

Однако в выборе средств борьбы с фашизмом Генрих Манн еще колеблется и по-прежнему склонен считать, что: «Лучшее средство — подчинение экономической области духовно-нравственному», что люди духа одной силой мысли, слова «способны

обуздать у себя и в себе набивший оскомину национализм и таким путем, только таким, обезоружить национализм вражеский, более того, распространить в своей стране гуманность и содействовать распространению ее во всем мире».

Статьи о трагедии 1923 года, поистине вылившиеся из самых глубин возмущенной совести писателя, являются вершинами его боевой публицистики периода Веймарской республики.

Политический пафос и наступательная сила, так бурно выразившиеся в этих статьях, заметно ослабевают в публицистике Генриха Манна последующих лет.

Сочувствуя рабочему классу и от всей души желая ему счастливой доли, Генрих Манн был очень далек и от его конечных устремлений и от его революционных методов борьбы. При всем этом он разделил с рабочим классом и его партией и воодушевление славных лет революции и всю горечь поражения.

Но время революционных бурь осталось позади. Страна вступила в полосу относительной стабилизации, сопровождавшейся разгулом белого террора и организованным наступлением господствующих классов на и без того жалкие демократические свободы и жизненный уровень трудящихся. Согласованные действия немецких концернов, поддерживаемых иностранным капиталом, генерального штаба и правительства республики вели к одной цели: предельному увеличению промышленного потенциала, главным образом за счет производства вооружения, созданию мощной армии и флота, искоренению духа сопротивления в немецком народе, а в конечном счете — к подготовке новой войны за мировое владычество германского империализма. Продажные бонзы правой социал-демократии поддерживали эти планы словом и делом. Фашистская партия, окрыленная возможностью стать у власти при помощи террора, демагогии, лживых обещаний, обрабатывала сознание народа и уничтожала его истинных защитников. Фашисты совершали свои кровавые дела на глазах и с молчаливого одобрения веймарских властей, занятых борьбой с внутренним врагом. Страна шла к самой страшной из когда-либо пережитых ею трагедий — к фашистской диктатуре.

Суровое время требовало от Генриха Манна, как и от каждого немецкого патриота, не только мужества борца и воли к борьбе, но и широкой политической ориентации, умения принимать решение и соответственно ему действовать. Вопрос о фашизме Генрих Манн решил для себя уже давно: свобода и насилие, демократия и единовластие, гуманность и расизм, мир и

война, культура и варварство несовместимы. Фашизм, занесший кровавую руку на все завоевания прогресса, должен быть уничтожен.

Общая оценка фашизма и формула приговора ему сближали писателя с немецкими коммунистами. Но в выборе метода борьбы Манн занял прямо противоположную позицию, провозгласив единственно справедливой войной «войну духа», войну идей. «Только духовную жизнь и войны духа мы и должны вести», — писал он. И в то время, когда расизм и национализм, уходящие корнями в историю немецкого буржуазно-дворянского общества, нашли своего кондотьера в лице Гитлера и его партии, он оставался верен своему убеждению, что только люди духа призваны и способны повести за собой народ на борьбу с фашизмом.

Противоречия Генриха Манна усложнялись еще тем, что при всех его симпатиях к Советскому государству и его создателю и вождю В. И. Ленину, высказанных им впервые в открытом письме от 1924 года «Ответы в Россию», он еще слишком мало знал о первом в мире социалистическом государстве, только что вышедшем из огня гражданской войны, чтобы осмыслить его как начало новой эры в истории человечества и прообраз общества будущего. Такое понимание придет к нему позднее, в конце 20-х годов.

Самыми близкими и насущными для Генриха Манна в эти годы были те вопросы, которые каждый день ставила перед ним сама немецкая действительность, жизнь республики. О Веймарской республике писатель сказал немало горьких и язвительных слов, ибо своей антинародной политикой она напоминала ему, какой злой карикатурой на его собственный идеал демократического государства она является. «Республика, — с иронией писал он в 1927 году, — стала свершившимся фактом, она существует как выражение трудящихся масс, которые верят в справедливость и убеждены в силе разума. Таковы мы все, пока правительство не оглупит нас. Когда республика говорит нам о делах, не имеющих отношения к коммерции, мы начинаем прислушиваться к голосу своего сердца, ибо только там живет образ республики».

Но Генрих Манн — противник классовой борьбы, он оказывается перед дилеммой: республика, такая, какая она есть, со всеми ее вопиющими пороками и противоречиями, или фашистская диктатура, несущая с собой смерть свободе, демократии,

культуре? Выбор не требовал от писателя долгих раздумий, он предопределен: нужно спасать республику от фашистской опасности, немецкий народ — от нищеты и одичания, немецкую культуру — от гибели.

Отсюда — тот круг преимущественно культурных проблем, которые привлекают Манна как писателя и общественного деятеля, отсюда и характер его критики.

О фашизме Генрих Манн не забывает ни на одну минуту. Критика фашизма в его статьях — это критика на уничтожение, хотя он по-прежнему апеллирует больше к разуму интеллигенции, к сознанию народа, чем к его воле, — ответить силой на силу и ударом на удар. Высшей точки достигает антифашистский пафос статей Манна в конце 20-х — начале 30-х годов, в момент предельного обострения классовой борьбы и нового подъема политической активности немецкого рабочего класса. Теперь, когда фашисты уже протягивали руки к штурвалу власти, Генрих Манн видит спасение Германии в единстве всех демократических сил под знаменем вооруженного сопротивления фашизму. Но если фашизм и одержит верх, война против него будет продолжена до победного конца. «Империя фальшивых немцев и фальшивых социалистов, — пишет он в статье «Немцы решают» (1931), — будет воздвигнута на потоках крови, но это ничто по сравнению с морем крови, которое прольется при ее падении. И тогда демократия исправит свои прежние упущения, вступит в борьбу и, наконец, отомрет, и вообще это будет уже не та несовершенная демократия прошлого века, а истинная демократия, какой ее мыслит себе народ».

Обличение республики, по причинам, о которых мы говорили, не отличается у Манна той последовательностью и пророческой страстностью, которые определяют высокую действенность его критики фашизма. Во всяком случае, в своей публицистике 20-х годов он ополчается не столько против основ республики, сколько против ее губительной политики, того, что, как ему казалось, можно исправить при помощи широкой гласности и вмешательства общественного мнения в деятельность законодательных и исполнительных органов государства — одним словом, при помощи примиряющих противоречия реформ.

Многочисленные речи, статьи, обращения, посвященные вопросам цензуры, реформы народного образования, объявления амнистии участникам революции 1918 года и т. п., адресованы Генрихом Манном одновременно правительству, народу и интел-